

А. В. Венедиктов? Разве не правильнее искать аналогию между ними и так называемыми «черносошными крестьянами» на Руси? ¹²

Почти такие же вопросы и замечания вызывает и глава «Турецкая феодальная собственность». И здесь читателю трудно составить отчетливое представление о том, какое же право имел глава турецкого государства на завоеванные турками земли. И здесь автор то отрицает применимость к турецким земельным правоотношениям концепции разделенной собственности (274) и утверждает, что спахия был «только управителем данного ему лена» (там же), то говорит о «спахийской феодальной собственности» (280). К недостаткам этой главы следует отнести также то, что в ней не показано, в чем же конкретно аграрный строй, установленный турками на Балканском полуострове, «испытал на себе влияние византийской прони и болгарского феодального поземельного режима» (273). М. Андреев ограничился лишь этой весьма общей формулировкой, не используя даже тех наблюдений, которые уже давно имеются по этому вопросу, например о сходстве спахилука с пронией, о византийском происхождении вакуфов и т. д.

Некоторые главы книги не имеют достаточной композиционной стройности. Сошлемся в качестве примера на главу об уголовном праве средневековой Болгарии. Здесь часть вопроса о различных видах наказаний рассматривается почему-то во вступительном очерке (стр. 188—189), хотя дальше следует специальный параграф «Членовредительские и епитимийные наказания» (190—192), где этот вопрос снова рассматривается во всем объеме. Повторения нередки и при характеристике видов преступления, ибо этот вопрос тоже излагается в двух параграфах (192—199).

Значительных дополнений требовала последняя глава III части — об обычном праве в период турецкого господства (299—333). Например, в ней совершенно отсутствовала характеристика правоспособности по болгарскому обычному праву, не было показано изменение норм обычного права в связи с проникновением в болгарские земли капиталистических отношений. Теперь, спустя шесть лет после выхода этого издания, нетрудно заметить ряд его недостатков, но в то время эта книга была лучшим пособием как для студентов — юристов и историков, для которых, собственно, она непосредственно и предназначалась, так и для всех занимающихся историей болгарского народа в феодальный период.

Вскоре после издания «Истории» М. Андреев опубликовал еще две работы о болгарском обычном праве. В первой из них ¹³ внимание автора сосредоточено главным образом на тех изменениях, которые произошли (или наметились) в обычном праве, регламентировавшем договоры, в связи с развитием в болгарских землях капиталистических отношений. В статье убедительно показано, как проникновение капитализма, особенно в период после Крымской войны, меняло постепенно содержание договоров, а нередко и их форму (227—234). Удачно разработан вопрос о дееспособности по болгарскому обычному праву (стр. 220—223), т. е. как раз то, что было пропущено в 1-м издании «Истории». Вторая статья ¹⁴ носит более популярный характер, являясь в сущности как бы подроб-

¹² А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 215—217.

¹³ М. Андреев. Договорното обичайно право в българските земи през последните десетилетия на турското иго и особено след Кримската война 1853—1856 г. (ГСУ, юрид. фак-т, т. XLVII, ч. II. София, 1956, стр. 207—236).

¹⁴ М. Андреев. Българското обичайно право и неговото развитие през последните десетилетия на турското иго. ИП, год. XII, 1956, кн. 5, стр. 59—74.